

Фёдор Буслаев

История русской литературы

Вып. 2. Ч. 2.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Б92

Б92 **Буслаев Ф.И.**
История русской литературы: Вып. 2. Ч. 2. / Фёдор Буслаев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 491 с.

ISBN 978-5-4241-3607-8

Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу (1859-1860).

ISBN 978-5-4241-3607-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МОИ ДОСУГИ

FA 161.25 (2)

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COCHRANE
APR 12 1927

Дозволено Цензурою. Москва. Февраля 10 дня, 1886 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	стр.
Бѣсъ. 1881 г.	1
Женщина въ народныхъ книгахъ. 1864 г.	24
Иллюстрація стихотвореній Державина. 1869 г.	70
Письма Русскаго Путешественника. 1866 г.	167
Памятникъ тысячелѣтію Россіи. 1862 г.	187
Басни Крылова въ иллюстраціи академика Трутурскаго. 1869 г.	209
Комикъ Щепкинъ о Гоголѣ. 1863 г.	235
Погодинъ, какъ профессоръ. 1876 г.	239
Перехожія повѣсти и рассказы. 1874 г.	259
Значеніе романа въ наше время. 1877 г.	407

Б Ъ С Ъ.

I.

Демоническое начало было однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей поэтическаго одушевленія съ самой ранней эпохи среднихъ вѣковъ и едва-ли не до конца XVIII столѣтія *. Это начало глубоко вошло въ нравы, убѣжденія и воззрѣнія христіанскихъ народовъ, а въ искусствѣ и поэзіи явилось оно тѣмъ характеристичнымъ признакомъ, которымъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, художественный міръ христіанскихъ идей отличается отъ искусства классическихъ народовъ. Болѣзненное раздвоеніе, какое почувствовалъ въ себѣ человѣкъ, усмотрѣвъ въ своемъ тѣлесномъ составѣ присутствіе злаго врага своей душѣ, постоянно наводило его на мысль о сопутствующемъ ему демонѣ, постоянно пугало его воображеніе грозными страшилищами и всякую радость растворяло для него горечью ожидаемой вѣчной гибели. Взволно-

* Исторію злаго духа съ древнѣйшихъ временъ по XVII вѣкъ включительно, съ указаніемъ источниковъ и литературы предмета см. въ *Geschichte des Teufels* von Gustav Roskoff. Leipzig. 1869. Въ двухъ томахъ.

ванное воображеніе не могло уже удовлетворить себя свѣтлымъ міромъ олимпійскихъ типовъ, всегда ясныхъ, снисходительныхъ къ человѣческой слабости и въ самомъ раздраженіи гнѣва не столь ужасныхъ по своему человѣкообразному характеру. Определенные, яркіе очерки пластическаго классицизма не умѣли дать той тѣни, въ которой боязливой совѣсти стали мерещиться злые духи. Искусство должно было создать свѣтотѣнь не только для того, чтобы расширить свои права надъ изображаемою имъ природою, но и для того, чтобы удовлетворить стремленію къ таинственности, которая и возбуждаетъ благоговѣніе, и пугаетъ; и именно этою-то темною полосою, гдѣ находили себѣ пристанище боязливыя мечты разстроеннаго воображенія, отличаются поэтическія преданія, возникшія въ средніе вѣка у европейскихъ народовъ и доселѣ воспитывающія воображеніе въ таинственной мечтательности и праздному суевѣрію.

Исторія бѣса въ художественномъ отношеніи имѣетъ различныя ступени своего развитія; и какъ во многомъ другомъ, такъ и по художественной демонологіи нашъ Востокъ существенно отличается отъ западной Европы. Разнообразію жизненныхъ элементовъ и художественной дѣятельности на Западѣ сопутствуетъ и разнообразіе въ представленіи бѣса и въ повѣствованіяхъ о его похожденияхъ; бѣдность поэческаго творчества на Востокѣ отразилась необыкновенною скудостью въ художественныхъ очертаніяхъ злаго духа.

Уже самое язычество, на которомъ возникла западная цивилизація, давало богатые матеріалы для демонологіи, когда съ водвореніемъ христіанства языческіе боги сошли съ своихъ пьедесталовъ и смѣшались съ темною

ватагою бѣсовъ. Достаточно было бы и одного только Олимпа греко-римскихъ идеаловъ, чтобы придать художественные очерки западному бѣсу; но къ этому классическому преданію присоединилась еще новая, могущественная сила въ языческихъ вѣрованіяхъ нѣмецкихъ племенъ, возродившихъ западныя страны къ новой жизни. Уже въ самомъ составѣ нѣмецкой мифологіи глубокомысленно отиѣченъ былъ демоническій элементъ въ лицѣ злобнаго Локи, который своимъ присутствіемъ между свѣтлыми богами и своею дружбою и родствомъ съ ними давалъ разумѣть о господствѣ мрачнаго, разрушительнаго начала даже въ высшей средѣ святочтимыхъ идеаловъ. Если Локи стоитъ на срединѣ между языческимъ существомъ и бѣсомъ, принимаемымъ въ смыслѣ христіанскихъ сказаній, то демоническій Грендель англо-саксонскаго эпоса, хотя эпохи еще языческой, отличается безхарактерною смутностью, [нѣкоторою отвлеченностью уже новыхъ идей о зломъ началѣ, навѣянныхъ неясно сознаваемымъ ученіемъ христіанскимъ.

Такимъ образомъ, познаніе добра и зла европейскія племена могли вкусить еще въ своихъ мифологическихъ преданіяхъ, прежде нежели познакомились въ Библии съ роковымъ райскимъ древомъ; и слѣдовательно, отвлеченное ученіе новой религіи о бѣсѣ легко могли облечь въ конкретные образы своихъ національныхъ идеаловъ.

Независимо отъ этого прямаго перехода творческой фантазіи отъ стараго къ новому, проповѣдники христіанства своими филиппиками противъ языческихъ божествъ особенно много содѣйствовали къ созданію обширнаго цикла той мифологіи, въ которой Юпитеръ, Діана, Венера и другія божества классическаго Олимпа только

перемѣнили свой свѣтлый видъ на темный, и не переставали къ себѣ возбуждать въ грубомъ народѣ даже религіозное вѣрованіе, устрашая воображеніе дѣйствительнымъ своимъ бытіемъ, въ видѣ воплощеній злаго духа.

Сблизивъ отвлеченное ученіе о злѣ съ народными преданіями и классическими формами, западная поэзія и искусство рано сдѣлали страшную фигуру бѣса предметомъ игры для творческой фантазіи. Можетъ быть, для чистоты нравовъ это была опасная игра, но въ отношеніи здраваго смысла сдѣланъ былъ шагъ впередъ. Фавны и сирены перестали казаться дѣйствительными существами новой демонической міеологіи, и въ искусствѣ заняли свое мѣсто, сначала какъ символическіе знаки, а потомъ какъ случайныя формы для художественнаго представленія бѣсовъ. Дантъ не только пользуется древне-христіанскими и романскими преданіями въ изображеніи злыхъ духовъ, которыми населяетъ свой адъ, но и творитъ для нихъ новыя формы, пользуясь классическою міеологіею. Онъ вѣруеть въ догматъ о зломъ началѣ, но уже не можетъ пугаться тѣхъ страшилищъ, которыя создавала его собственная творческая фантазія.

Будучи введенъ въ интересы поэтическаго творчества, бѣсъ долженъ былъ въ западныхъ легендахъ казаться занимательнымъ по затѣйливости и разнообразію своихъ козней, побѣда надъ которыми должна увѣнчивать новымъ ореоломъ благочестиваго героя легенды, и католическая фантазія не щадила своего творчества на самыя живыя и свѣжія краски, въ наивномъ убѣжденіи яркостью поэтическаго, вымышленнаго идеала заставить вѣрить въ его дѣйствительное существованіе; но вмѣсто того

только приучала умъ и воображеніе къ фантастической, опасной игрѣ въ злыхъ духовъ, и подрывала къ нимъ боязливое уваженіе.

Эпоха возрожденія, нанеши ударъ религіозной живописи и замѣнивъ благочестивое умиленіе иконописца болѣе свободнымъ восторгомъ передъ красотою, какого бы происхожденія ни была она, безгрѣшнаго или грѣховнаго,—исцѣлила творческую фантазію отъ болѣзненной бѣсобоязни. Греческій Олимпъ, во всемъ своемъ античномъ величій, вновь воцарился на плафонахъ и стѣнахъ дворцовъ, а фавны, сложивъ съ себя символическое служеніе злему духу, стали забавлять игривыми и потѣшными сценами. Католичество дошло въ искуствѣ до своихъ крайнихъ предѣловъ, наивно смѣшавъ святочитимые предметы съ игрушками, сгладивъ всякое различіе въ типахъ Мадонны и Венеры, и возстановивъ античныя права центаврамъ, фавнамъ и другимъ романскимъ символамъ злаго духа.

Впрочемъ, для поддержки благочестія, благонамѣренныя люди той эпохи, не находя себѣ помощи въ мастерской художника, прибѣгли къ другимъ средствамъ, чтобъ пугать суевѣрное воображеніе. Подновляя старинныя басни философіею и теологіею своего времени, они вымышляли цѣлые трактаты о демонологіи, приводя въ параграфы курьезное ученье о томъ, при какихъ обстоятельствахъ обыкновенная, смертная женщина можетъ родить ребенка отъ злаго духа и къ какой породѣ существъ относить плодъ такой грѣховной любви и т. п. Особенно въ XVII вѣкѣ распространено было на Западѣ убѣжденіе въ возможности присутствія злаго духа въ человѣческомъ тѣлѣ; такъ что кажется, будто наивному